

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения А. А. Фадеева

У НЕБА над его родной — пронзительно голубой цвет.

Мы приехали сюда, чтобы увидеть небо над его родной, дороги, по которым он ходил, избы, которые помнили его, реки, деревня... Людей, помнящих его хулиганистым подростком, впечатлительным, застенчивым до неловкости, а позже порывистым, стройным юношей в белой рубашке, стянутой на талии хрусткой жесткой кобурой, почти не осталось. Но остались небо, дороги, реки, улица — то, что вечно.

Мы не пойдем пока на встречу с ним через парадную дверь. Не поднимаемся по крутой лестнице в новое здание из красного и белого кирпича — «Литературно-мемориальный музей А. А. Фадеева». Не постоим здесь, соблюдая экскурсионную поочередность, у стендов с вещами его жизни. Это нам нужно для того, чтобы на этой земле не встречаться с ним сразу — бронзовым, на высоком постаменте.

По глубокому мягкому снегу, минуя накат разноголосой шумной дороги, мы придем на берег горной Улахе. Постоим там, еглядываясь в сиреневые, размытые легким морозным туманом, вершины Сихотэ-Алиня. Помолчим.

А потом от берега горной Улахе, через кусочек заснеженной земли, названной здесь «Фадеевской», мы пойдем к единственному хранителю его голоса и шагов — белому домику под номером 124.

Такой путь нам нужен для того, чтобы на этой земле встретиться с ним — живым.

«Чем старше я становлюсь, тем чаще мысль моя бродит по детству и юности. Не для того, чтобы отдохнуть от бурь жизни, а просто для того, чтобы еще лучше осознать свой путь жизни и почерпнуть из прошлого молодости, веры, бодрости сил и чистоты душевной».

Детство и юность — самые трепетные страницы в жизни каждого человека. В жизни талантливого — самые значительные, потому что при помощи этих страниц постигает человек значение жизни, и в постигнутое самим постигает других.

«Это село родное для меня: лучшие дни детства и юности связаны у меня с Чугуевкой».

...«РАСЧЕТНАЯ КНИЖКА № 120. Название: «Воспоминания о Чугуевке, области Чугуевской, области Чугуевской, области Чугуевской». Владиславович Сви... Удостоверение на во... ение» выдано 27 августа 1912 года отчиму Александра Фадеева.

Мы еще бываем с вами в белом домике под номером 124, но на пути к нему нельзя пройти мимо другого места: здесь когда-то стоял дом. Просторный, разделенный на две половины, и на двери его висела табличка, заказанная Антониной Владимировной Фадеевой еще до приезда сюда, — «Лекарская помощница».

Приоткрыв эту дверь в один из августовских дней тысяча девятьсот двадцатого года, мы бы увидели коридор — «приемный покой», в нем народ, раз-

ный крестьянский люд: в суконных поддевах и хромовых сапогах, но все больше другой — в латаных рубашонках и жидких от долгой носки лаптях: Козловы, Неретины, Кислые, Горовые. Кулаки и «голь перекатная» собрались сегодня под этой крышей, чтобы пожаловаться Антонине Владимировне и Глебу Владиславовичу, фельдшерам, на свои болезни, неурожай, голод, обиды и жизнь бесприветную, в которой они, и фельдшер, и жена его, душевные люди, видят еще какой-то свет. Но и здесь, в общем коридоре, болезни не равняют людей: те, что в поддевах, стоят поодаль и удивляются тому, что и лекарь, и лекаря не брезгуют лапотниками и лежат тех, кто поплосше одет, почти задарма.

А в это время с другой половины, жилой, глядит на народ белоглазый сын лекаря, прислушивается к разговорам, словно хочет запомнить все.

Через десять лет он становится в памяти запомнившимся. И расскажет об этом в книге, где будут жить Неретины и Горовые, и где борьба весенним «разливом» охватит и эту землю.

Если бы это было возможно, мы бы терпеливо подождали в «приемном покое» окончания рабочего дня Антонины Владимировны и Глеба Владиславовича, а день бы этот закончился где-то возле полуночи, и осторожно пошли бы вслед за ними на жилую половину. Здесь бы мы увидели, что дети спят, но не спит один из них — Саша. На столе мерцающая «керосинка» и томик стихов Некрасова. Саша привез его с собой на каникулы из города Владивостока.

Глеб Владиславович подошел бы к Саше, обнял его за плечи и спросил бы шепотом, боясь разбудить остальных детей: «Замечательные стихи. Правда, дружок?». И мы бы увидели в глазах Свитыча столько любви и нежности к приемному сыну, и в ответ такую доверчивую Шаину улыбку, что заспешили бы из этого дома, чтобы хоть немного дать отдохнуть этой дружной и славной семье.

Далеко за полночь, когда луна бы сияла тающим светом и звезды горели особенно ярко в преддверии рассвета, мы бы увидели, как подъехала к этому дому телега, и возница простуженным голосом, комая в руках фуражку, сообщил бы проснувшимся хозяевам о том, что в соседнем хуторе «в горячке» лежит ребенок. И мы, и разбуженный тревожными голосами Саша долго бы еще слышали, как дребезжат по разбитой дороге колеса телеги, увозящей фельдшера и его жену в соседний хутор.

Мы проживем в этом селе еще много лет. Еще и еще раз мы будем возвращаться к пыльной деревенской улице, к босяцкой нестриженной детворе, играющей в перелеске, неподалеку от развалин древней крепости, поросшей кустарником и «ярким бархатным мхом».

«Когда в деревню на каникулы приезжал Саша Фадеев, ученик Владивосток-

ского коммерческого училища, мы вместе с ним ходили на рыбалку, за грибами и ягодами. Вечерами встречались у крепости, иногда забирались на чердак, где Саша рассказывал забавные истории и читал нам стихи Некрасова, Пушкина». Это из воспоминаний о нем С. Я. Ковалю, одноклассника, друга детства.

Д ОМ ПОД НОМЕРОМ 124 на улице 50 лет Октября. Единственный, сохранившийся с той поры, — бывшая сторожка

ван на фронт «для службы царю и отечеству», но от первой службы отрекся, ибо всегда хотел служить и служил только отечеству.

...Мимо окон белой сторожки по осеннему тракту движется красная конница. Ее движение неостановимо. Но у этого дома можно остановить коня, напоить его водой из колодца и, разминая затекшие ноги, ступить на родное крыльцо. Вспомнить мать, отца, вспомнить, как собирались здесь всей семьей после работы на огороде,

замахали ветвями вслед улетающему всаднику, бойцу «Особого Коммунистического».

«Учетно-регистрационный лист Амурской организации Рабоче-крестьянской партии большевиков».

Имя — Александр Александрович Булыга-Фадеев. Род занятий — партийный работник. Год вступления в партию — 1918. Мотивы вступления в партию — по убеждению. Какую часть дня отдает и может отдавать работе! — Весь день. ...Он лежал тяжело ра-

сы к вам в своих книгах и письмах.

Он приедет сюда в тысяча девятьсот тридцать третьем году уже известным писателем. Его будут встречать звуки оркестра, рукоплескания, цветы, но ни звуки оркестра, ни рукоплескания не заслонят от него то, ради чего он сюда приехал: «Как живете, земляки!». Он хотел бы видеть в этом селе и новую школу, и новую больницу, и клуб, и прочные дороги, соединяющие Чугуевку с городом. Все так и стало, как он хотел. Отличная больница и прекрасная школа его имени, железная дорога, асфальтированное шоссе.

Здесь, в Чугуевке (мудрое решение), на том месте, где мы с вами побывали в один из августовских дней тысяча девятьсот двадцатого года, скоро вновь вырастет дом, просторный, разделенный на две половины. И, может быть, снова займет свое место на двери табличка — «Лекарская помощница», хранящаяся сейчас на стенде музея.

Пусть все будет так, как было при нем. Пусть тропинка от восстановленного дома ведет людей, любящих его, к белой сторожке с двумя березами у крыльца. И от крыльца через кусочек заснеженной сейчас земли — неприкосновенный огород Фадеевых — к берегу горной Улахе.

Пусть не исчезают из сочинений учеников средней школы его имени такие строки: «Иногда, когда я брожу по нашей сельской улице, мне кажется, что рядом со мной идет неслышимой мой сверстник, белоглазый паренек с синими глазами — Саша Фадеев. И я вдруг начинаю смотреть на окружающий меня мир его глазами. И еще сильнее люблю и нашу речку, и вершины Сихотэ-Алиня, и дома, и людей».

В. Приезд он приходил к домику под номером 124. Поставил у крыльца, сняв шапку, провел ладонью по шелковистой тонкой коре березы.

Какая погода была в тот день? Наверное, тоже зима. И по улице, так же, как и сейчас, бежали на лыжах краснощекие мальчишки, заливаясь лаями дворняжки, опережая запряженную в сани коротконогую бурую лошадь, и солнце светило ярко, лаская оконные стекла домов...

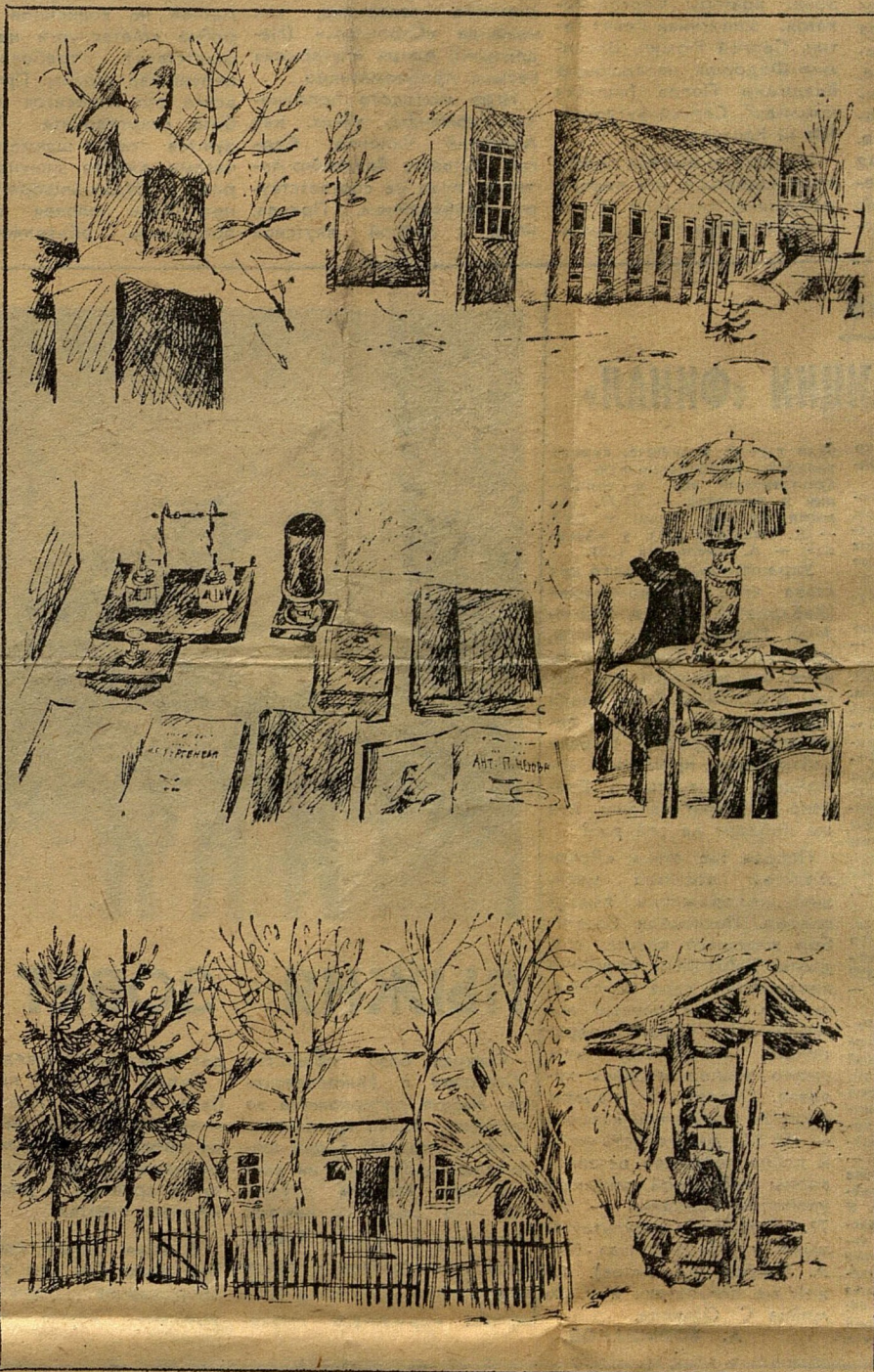
Пора... Он оглянулся, уходя, решив, что обязательно еще вернется.

Мемориальный особняк на улице 50 лет Октября. Можно прийти на встречу с ним и через парадную дверь, стоит только подняться по крутой лестнице... Но сегодня особенно хочется видеть его живым.

Г. ВОСТРИКОВА, В. ЛЕБЕДЕВ (рисунки). наши спец. корр. с Чугуевки, Приморского края.

На рисунках: бюст А. А. Фадеева, установленный на его родине; литературно-мемориальный музей; книги, которые читал Фадеев в детстве; личные вещи писателя; дом под номером 124 — бывшая сторожка семьи Фадеевых; колодец у сторожки.

ИСТОКИ

семьи Фадеевых. Сюда он пришел после первого несчастья, постигшего их семью, забрался на чердак и долго лежал там без сна, глядя на свет мудрых далеких звезд, проникающий сквозь расщелины в крыше. Он любил этого человека и не мог поверить в документ, казенно-вежливым языком излагающий причины его смерти. В годы первой мировой войны Глеб Владиславович Свитыч умер от тифа в бараке, забитом искалеченными «по милости царской» солдатами. Свитыч был приз-

ставили в печь чугунок с картошкой, разламывали свежий, только что испеченный матерью каравай... Но некогда жить памятью, впереди яркими огнями светит будущее и чтобы приблизить его, движется красная конница.

Белая рубашка, хрусткая кобура, алый бант на груди — революция. По течению живут только мелеющие реки, люди должны жить «против течения».

Ветер поднялся, взметая на улице пыль, и две березы у родного крыльца

ненный, на кронштадтском льду. Он не стонал и не звал на помощь. Он привик к боли, но в сознании его, почти угасшем, неожиданно явился образ: крыльцо родного дома — и он застонал, но не от боли, а от нежелания так несправедливо рано расставаться с тем, что горячо любил. Он застонал, и это спасло его.

Высокие старые березы у крыльца. Он вернется к вам еще раз и будет по-прежнему постоянно возвращаться